

"Праздник жизни – молодости годы"¹

Трагико-юмористический очерк **А. Головцова** о печальной судьбе киевского завода вычислительных и управляющих машин ВУМ²

Подано мовою оригіналу

На блистающих пейзажными красотами просторах Киева разбросаны островки нетронутых временем строений, немых свидетелей некогда процветавших в их стенах техногенных цивилизаций – заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов.

Сданы в утиль станки, забыты хитроумные технологические процессы, увяла отраслевая и фундаментальная наука, пресеклись потоки людские у проходных.

"Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Очистил утомленный врач."

Высвободившаяся и нетленная недвижимость служит свежей породе джентльменов удачи, новым хозяевам жизни на ее пиру валтасаровом. "Мене – текел – фарес" – "подсчитано – взвешено – поделено".

Среди останков, руин (не физической – нравственно-социальной природы) бывшего научно-технического величия стольного града, своей монументальностью и протяженностью выделяются корпуса зданий за Окружной дорогой, в старинном предместье Борщаговка.

"Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль".

Настенные надписи и пиктограммы, письменные источники, былины и предания позволяют идентифицировать выявленную культуру, как корпоративное содружество инженеров многоумных и искусных городских ремесленников, занимавшихся выпуском вычислительных управляющих машин (в летописях – завод ВУМ).

Свидетельства еще здравствующих прямых участников и сотворителей достославных дел позволяют выстроить хронологическую цепочку событий.

Полвека тому отступил ледник, разжались безжалостные клещи, подули вешние – свежие и теплые – ветры, настало время титанов.

Один из них, благомудрый академик Виктор Михайлович Глушков, страстными постулатами амнистированной науки "кибернетика" в стенах одноименного, им возглавляемого института, провозвестил эру автоматизированных систем управления (АСУ).

Другой – муж седовласый и благомощный Апполинарий Федорович Незабитовский (в былинах – "папа") – возглавил материализацию идей

¹ Передано для Сборника-альбома Л.Ф. Мараховским

² Лидер компьютеростроения 1960–2000 гг.

великого теоретика, обеспечил их – бестелесных – плотью электронной вычислительной техники (в современном начертании – компьютеров).

Усердные дети своего времени, с присущей той поре продуманностью, обязательностью, организованностью взялись за дело, и вскорости появился завод преизрядно устроенный. В конце шестидесятых годов им были *urbi et orbi* ("городу и миру") предъявлен первые овеществленные плоды тонкого интеллектуального замысла – вычислительные машины "Каштан", "Днепр", "Проминь", семейства "Мир".

Киев стал Меккой для взалкавших новой техники. На завод ВУМ двинулись колонны представителей космических отраслей, оборонных предприятий, академической науки, исследовательских институтов, медицинских учреждений, промышленности.

Как-то в начале семидесятых годов, жарким июльским днем на завод заглянул премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо. Приняли его, как по обычаю мудрому надлежало, с великою честью и ласкою.

По заданию "папы" за ночь у парадного входа образовался милый канадскому глазу украинский пейзаж – бассейн (считай – "ставочек") и обязательная верба.

Высокого гостя встречали испотевавшие в протокольных пиджаках руководство, передовики предприятия. Премьер появился в светлых брюках, пестрой тенниске, элегантном кашне. Немного припоздал, поэтому в церемониале встречи оставили только обязательную "хлеб-соль".

Пьер Эллиот, знавший программу посещения, запротестовал на коренном языке своих сограждан: "А де пісня!?"

Из резерва выдвинулись "дивчата" в "сорочкахвышиванках" и коронным надрывом погрузили заокеанского гостя в состояние неумного восторга: "Ой у полі криниченька. Там холодна водиченька?"

Год за годом разрасталось поселение на окраине украинской столицы, изобиловало новой – все более современной – продукцией, процветало и множилось людьми.

Папа (А.Ф. Незабитовский) твердо держал штурвал громадного корабля, уверенно вел его среди волн житейских проблем, неизбежных зависти и соперничества. Работников, любезных чад своих, отмечал приличной – результатам труда сообразной – зарплатой, обеспечивал жильем, дешевым и вкусным заводским питанием, отпуском в санаториях и собственных домах отдыха.

Лодырей, болтунов бесполезных и пустозвонных тяжело ненавидел, изгонял. И радовались все, причастные к успехам знаменитого завода. Казалось, что нет предела совершенству, что развитие будет постоянным, укрепляющим стабильность положения колосса.

Человек предполагает, а Господь располагает. За радостью пришло утеснение и разорение, за взлетом – падение. Небесный свод разломился, земные веси оборвались. "Лжемудрость безумия все уничтожает, не созидая

ничего." Цивилизация, просуществовавшая четверть века, исчезла в мутных водах потопа перестройки.

*"Посмотри, как быстро в жизни
Все забвенье поглощает!
Блекнут славные преданья,
Блекнут подвиги героев?"*

В союзе племен, составлявшем исчезнувшую цивилизацию, был передовой отряд, особое племя наладчиков и специалистов по разработкам систем управления. Оно имело невидную стоянку на третьем этаже принадлежавшего заводу-гиганту технического училища и носило длинное, по-канцелярски суховатое наименование – Киевское специализированное пуско-наладочное управление электронных вычислительных машин (КСПНУ ЭВМ, или просто – "управление").

Делами племени заправлял смелый и неукротимый вождь, широкоплечий и высокий атлет (внешне похожий на боксера Владимира Кличко) с энергически-размашистой походкой лидера – Виктор Олегович Залесный.

В начальный период эпохи автоматизации, когда качество обеспечивавших ее компьютеров было невысоким, требовались немалые усилия и сроки по доводке "до ума" капризной и объемной электроники на месте ее эксплуатации.

Поэтому вослед уходившим с завода немалых габаритов вычислительным машинам племенные старейшины отправляли обязательный "загон" лихих специалистов по наладке. Они на месте собирали технику, тестировали ее, находили дефекты скорой заводской сборки, устраняли слабые места.

По укрощению непокорного изделия выкуривали с его владельцем "трубку мира", опорожняли меха с огненной – предназначавшейся для протирки контактов – водой, возвращались в главный вигвам с актом безоговорочной капитуляции бывшего оппонента (так называемой "процентовой") с указанием размера контрибуции.

Все дороги ведут в Рим. Счастливые обладатели отлаженных и заумных машин, как правило, вновь устремлялись в Киев обивать пороги управления, где, посыпая голову пеплом, громко взывали о помощи и о дальнейшем содействии.

Они знали, что под ружьем у конунга Залесного находится полк гвардейцев, способных вдохнуть в бесстрастную электронику "машинный интеллект" – математически и логически строго расписать предполагаемую к решению проблему (составить алгоритм), разработать на его основе программное обеспечение.

Они ведали, что славные бойцы интеллектуального фронта своими регулярными победами обратили заурядное пуско-наладочное управление в элитную – научно-конструкторского толка – организацию, в которой за

высокого полета разработкой следуют ее скорая компьютерная реализация и внедрение.

*"Полны чудес сказанья
давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей?"*

Благоподатный случай ввел меня, двадцатипятилетнего отставного воина, в эту чудную боевую единицу с незвучным постороннему слуху, но ласкающим слух причастным к делам давних дней наименованием – "участок №6".

Благожребие дало радость человеческого общения в прекрасном коллективе единомышленников, с людьми, близкими по духу, по мировосприятию, тогда – и поныне в памяти – молодыми.

*"Мне вспомнились лица
товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?
Иные далеко, а те уж в могилах..
Распалась наша семья!"*

Хорошее начало полдела откачало или зов предков

К исходу зимы семьдесят второго года после двух лет беспорочной службы – приказом министра обороны в чине старшего лейтенанта был отправлен в запас. Получил солидное выходное пособие, свободу и независимость от строго нормированной армейской жизни, а вместе с ними проблему места проживания и работы.

Образовавшийся к этому времени взаимно уважительный контакт со специалистами завода ВУМ, чью неординарную вычислительную систему дорабатывал и обслуживал на ракетном полигоне в казахстанской степи, вселял надежду на укоренение и достойное трудоустройство в городе Киеве.

Выменял у автохтонного населения Приаралья остатки обмундирования на экзотическую верблюжью шерсть, морепродукты, и свежим апрельским утром объявился в заводском отделе внедрения.

*"Древний город словно вымер,
Странен мой приезд
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест".*

Хозяева брали меня за руки белые, садили за столы дубовые, вываливали на них привезенных мною отливавших золотом копченых лещей и жерехов. Скоро доставленное пиво облагородило дегустацию даров Аральского моря, превратило ее в идущий от сердца процесс, активизировало стремление принимающей стороны выказать гостеприимство решением проблемы гостя, не имевшего в городе ни кола, ни двора.

К концу братской трапезы, когда Володя Айзенберг уже приступил к отбору из рыбьих останков годных к следующим пивным посиделкам частиц,

когда было обсуждено и отвергнуто немало вариантов выхода из тупиковой ситуации, прозвучала неожиданная реплика попробовать меня на Залесном.

— *Что у него делается под шапкой, у этого Бенчика?* – спросил покойный Бык.

И одноглазый Грач сказал свое мнение:

— *Беня говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь.*

— *Если так,* – воскликнул покойный Левка, – *тогда попробуем его на Тартаковском.*

— *Попробуем его на Тартаковском,* – решил совет, и все, в ком еще квартировала совесть, покраснели, услышав это решение.

Участники диспута, слегка порозовев (от затянувшегося застолья), согласились попробовать меня на Залесном, чье письмо с просьбой разработать и изготовить электронный блок сопряжения двух вычислительных агрегатов давно раздражало руководство отдела. Появилась возможность сдвинуть дело с мертвой точки, одним махом решить проблему – и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Подхватив под микитки, поволокли меня в располагавшийся на том же этаже кабинет начальника управления, где представили как "гиганта мысли", способного, при условии приема – без оглядки на отсутствие прописки – на работу, реализовать залежавшийся проект.

Молниеносно оценивавший ситуацию и принимавший решения Залесный, затянулся огнестрельной кубинской сигаретой, "пробрил" меня острым взглядом и зачислил в штат. Включение в состав управления самоуверенного кибернетического "мессии" без предварительной технической экспертизы задело и озаботило главного инженера – Альберта Самсоновича Оганесяна.

Чтобы компенсировать образовавшийся беспорядок, глава технического службы устроил допрос с пристрастием. Поинтересовался, между прочим, знанием книги великого академика "Все об АСУ". (Последнюю согласную букву в названии произнес чуть протяжно – получился неплохой уринарный каламбурчик).

В пламенном, слегка гиперболизированном ответе обосновал твердость и надежность знаний, даваемых своим питомцам Ленинградским электротехническим институтом. Отметил особо, что в ряду выпускных профессий лучшей является "проектирование электронных вычислительных машин", счастливым обладателем которой являюсь.

"Простим горячке юных лет

И юный жар, и юный бред."

То был безумный день, или женитьба Фигаро. В глазах зарябило, когда в кабинет вошла пышной красоты женщина многообещающего бальзаковского возраста. Казалось, библейская Вирсавия (приведя в порядок прическу) сошла с полотна Рубенса. Та же верных пропорций, упругая, далекая от рыхлости, фигура, гордой посадки голова, подернутые влагой

глаза. Смушающие рассудок, сочные, яркие – помадой выделенные – губы и, как показало последующее общение, столь же яркий ум.

*"Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года".*

Перфектная представительница самого монолитного этноса – Раиса Самойловна Сахно, на тот момент исполнявшая обязанности начальника участка программистов, пришла взять в работы очередного новобранца.

Глаза главного инженера умягчились лаской. Представив меня, пригласил к скатертью раскинутому на столе плану "Операции "Дичь" – обобщенной схеме автоматизации учета конвейерной сборки тракторов. Скорбно отметил, что теория не выдержала столкновения с очистительной практикой – стандартная электрическая машинка, предложенная идеологами для вывода данных о ходе сборки, захлебывается в потоке информации, сводит на нет результаты труда программистов.

Поставил боевую задачу: устаревшее оборудование заменить на устройство скоростной печати, разработав для этого блок его сопряжения с вычислительным комплексом "Днепр-1".

Через месяц – с сумкой на шее и сотворенным изделием в руке – жар-птицей стелился над платформой в стремительном бреющем полете за двинувшимся в сторону Харьковского тракторного завода поездом. На излете зацепился за поручень последнего вагона, добрался до купе, свалился к ногам восходящей звезды отечественного программирования – Александра Николаевича Побегая, дотлевавшего на костерке возмущения беспечностью новоявленного коллеги.

*"Дыханье замерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах".*

Неловкий старт побудил к высокой самодисциплине на последующей дистанции пробега, вызвал сильное старание к делу. Слишком высоки были ставки в затеянной игре – или грудь в крестах, или голова в кустах.

То лето харьковской одиссеи было необычайно сухим и жарким. В его канун на подлете к аэропорту разбился самолет АН-10. Погиб певец-имитатор Чистяков, ленинградские пионеры.

В вычислительном центре тракторного завода ломались кондиционеры, отказывала электроника, выпал из строя приданный мне в подмогу Валентин Павлович Запольский. Старший товарищ запил мертвую, впал в неистовство, многие противности учинил.

Технология пуско-наладочных работ требовала обязательной протирки контактов спиртом-ректификатом, который бойкие наладчики – по правилу двойного налогообложения – умудрялись получать как в управлении, так и на месте проведения работ.

Валентин пошел еще дальше – драгоценную влагу не разбазаривал, палладиевые контакты чистил ластиком.

Первая попытка отправить нарезавшегося специалиста для оргвыводов домой ничего не дала – врученный ему билет продал, на полученные средства продолжил вливание.

"Нас на конвульсии не возьмешь, товарищ!" – во второй попытке провожающие посадили тепленького пассажира в вагон, дождались отправления поезда. В нем Валентин отоспался, утром опамятовался уже далеко за Киевом – в Виннице, где и опохмелился.

*"Могу сказать: его я лично знал, –
Он образ жизни вел довольно шалый,
Но я его за то не осуждал?"*

В муках творчества, с регулярными вспышками истерической безнадежности, все лето парился над строптивым устройством, недоношенным плодом поспешного воображения. Паял, переделывал, отлаживал, передумывал.

С сентябрьской свежестью пришел чаемый успех. Программисты, получив быструю печать, устроили темп продвижения к финишу.

Миряне за пыжки, попы за книжки. Появившееся свободное время с односторонним Побегам проводили в буйных набегах на книготорговцев города, в прочесывании книжных базаров, в контактах со страстными книголюбцами. Брали немалую добычу, расходуя временами на нее последние командировочные средства.

Оставаясь на бобах, сидели выходными днями безвылазно в гостинице, прилежно прочитывая обретенную литературу. Однажды, когда до предела свело пустые животы, а в голове зазвенели колокольчики, заметили на балконе соседнего номера банку томатов, покинутую убывшими постояльцами. Отчаянным марш-броском по карнизу и похищенным низкокалорийным трофеем отогнал призрак голодной смерти от двух перспективных специалистов.

Когда застучала капель семьдесят третьего года, отлаженную систему запустили на контрольную проверку. Первые результаты показали невероятное количество тракторов, выходящих с конвейера. Казалось, электроника взбесилась, выдает желаемое за действительное.

Учинили совет в Филях. Работа системы была устроена так, что сведения о ходе сборки вводились в ЭВМ через установленные на конвейере пульта, разработанные специалистами Харьковского НИИ "Тяжпромавтоматика". Далее программы моих коллег обрабатывали полученную информацию, выдавали на печать итоговые данные.

Натали Бездетная, руководитель нашей команды, отстаивала безупречность программного продукта. Иосиф Вайнблат, представитель института, расхваливал сверхнадежность пультов, выполненных – с учетом пролетарской психологии – из особо прочных материалов.

"И было о том прение великое и распря большая".

Призвали в качестве эксперта Александра Николаевича, чей добродетельный нрав позволял быть третейским судьей в неоднозначно

трактуемой ситуации. Выпускник мехмата Киевского университета – широкий и выпуклый лоб, ум ясный и проницательный, быстро постигающий не всякому доступное – долго и тщательно изучал контрольные распечатки.

"С великолепной иронией эстета, который чтит изысканный свой дар" Саша "размазал" оппонентов по столу. Оказалось, что Семен Кац, влекомый зовом предков, смонтировал клавиатуру в соответствии с грамматическими нормами иврита – числовые данные следовало вводить с учетом их прочитывания справа налево.

После перепаек все стало на свои места. Система заработала исправно, быстро все печатала, радовала своей правдивостью ее киевских и харьковских создателей.

Недолго дергалась старушка в матросских опытных руках. Несколько месяцев спустя мрачная реальность жизни сокрушила прочностную концепцию Вайнблата – составные элементы предварительно разобранных пультов, в том числе остродефицитные кабели, провода оказались далеко за пределами завода, в приватном пользовании.

*"Товарищ! На работе ты хозяин,
а не гость,
Идешь домой – возьми хотя бы гвоздь".*

Пару недель прогревал утомленное тело бойца в плотных лучах заслуженной славы – до перегрева, до солнечного удара, – пока прибывший из дальней и долгой командировки шеф, Виталий Дмитриевич Лаппа, не объявил о своем уходе. По этой причине он предложил руководству управления влить вино молодое в меха старые, назначить успешно выдержавшего конкурс выпускника ЛЭТИ на ставшую вакантной должность начальника участка.

Гавриил Дмитриевич Вертегел – руководитель службы кадров, твердокаменный отставной полковник – подготовил по этому поводу высочайший ордонанс, который и был подписан начальником управления в конце апреля семьдесят третьего года.

*"Когда бывлые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда – то не мое бывлое,
А лишь прочитанный восторженный роман".*

Рачитель и Поэт

Достойная заработная плата была важной, но не решающей составляющей магнетической силы, скреплявшей корпорацию программистов с прозаическим именованием "шестой участок". Только начавший формироваться коллектив сцементировала, прежде всего, возможность социальной и профессиональной самореализации его активистов, способствовавший тому психологический климат.

Территория участка была средой обитания, где высокая образованность и эрудиция его обитателей, занятость интереснейшим делом создали

атмосферу общей открытости, доброжелательности, взаимной притягательности. Оценка уровня сотрудника определялась не только математическими способностями, знанием языков программирования, но и языковой культурой, начитанностью, широтой знаний и кругом интересов.

Высокие качества большинства членов зарождавшейся общины не были комплексным проявлением беззаботного прекраснодушия и отвлеченного идеализма, они строились на плотной материальной основе. С увеличением числа выпускаемых заводом ВУМ вычислительных машин росло число заказов на разработку прикладного программного обеспечения, росли авторитет и значимость коллектива его создателей.

Давно это было, но память хранит моментальный слепок начального периода моего трудового пути – навсегда молодые лица коллег, их яркие лица, бойкую мимику, воспроизводит звуковой ряд тех сладких лет – гудящий, бурлящий человеческий муравейник в аудиторном зале на третьем этаже в небольшом здании за Окружной дорогой.

*"И легкий шелест дальних слов
Певуч как гул колоколов".*

Первые три недели каждого месяца в управлении царил покой налаженного быта, после чего патриархальную тишь организации взрывала ураганная энергетика возвращавшихся с отхожих промыслов электронщиков. Появление на перронах железнодорожного вокзала их суетливых представителей было верным признаком приближения неодолимой стихии. С прибывавших московских поездов бегуны "снимали" (за рубль проводнику) использованные билеты, в видах приработка подшивали их к командировочному отчету.

Последняя неделя месяца, именовавшаяся "пересменкой", ломала настроенный на созидание уклад шестого участка. В это беспокойное время коридор фирмы походил на пульсирующую вулканическую лаву – сдавались акты выполненных работ, отчеты по командировкам, выписывались новые командировочные задания.

Проводились всевозможные (таковы были терминология и правила игры эпохи!) мероприятия – собрания (партийное, профсоюзное, комсомольское), учеба (техническая, политическая, экономическая), сдавались экзамены и прочая, и прочая, и прочая.

Наиболее значительным признавалось ежеквартальное подведение итогов социалистического соревнования, победителю которого полагался денежный приз. Заветная сумма доставалась тем участникам состязания, которые проявляли, прежде всего, подобающее уважение к отчетным документам, содержали их в идеальном состоянии.

Над победными реляциями "хитрожо? математиков" (так именовали нас завистливые и неудачливые конкуренты), больше походившими на поэтизированные эссе, не раз до слез умилялись члены конкурсной комиссии.

Следующим, хотя и не таким частым, источником пополнения казенных средств было премиальное поощрение победителей ежегодной спартакиады управления, очередной тур которой проходил во время массового сбора ее участников.

Благодаря усердию на все гораздого Сергея Михайловича Соколова, наладившего насыщенный тренировочный процесс, в спорте мы также первенствовали. В обеденный перерыв часть сборной команды отрабатывала дебютные идеи под наблюдением шахматного виртуоза Побегая, остальных "коней" тренер выгонял в спортивный зал.

У прославленного мастера сборки (марки, монеты, книги, открытки, прочие разности) всегда были в запасе пара-другая потоптанных кед, застиранных маек для забывчивых, накапливались обмылки для обязательного душа после тренировок. Кстати, личную одежду глубокий педант донашивал до полного ее истощения, до разложения на атомарные ингредиенты. Особо запомнился выход шумливого душки Соколова на коммунистический субботник во френче и особого покроя галифе, видевшими и сопки Маньчжурии, и позор русского оружия под Мукденом.

Высокий, худосочный, костистый и очень рачительный аскет контролировал потоки карманных денежных средств сотрудников, вел "черную" кассу взаимопомощи, закупал на всю наличность облигации трехпроцентного займа. "И был глубокий эконо́м", впадал в истерику, в крике доходил до фистулы (легкие – до таза!), видя бездумные с его точки зрения траты из "общака".

*"Тонок и бледен, в лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел".*

Все добываемые на общественном поприще деньги шли на коллективные выходы в рестораны – каждый раз в другой! – по изначально составленному списку. За все время сделали полный круг прохода по городским ресторациям и даже вышли на второй заход.

В пересменки нередко тешили подуставших в трудах специалистов концертными балаганами, скоморошьими забавами. Выстроенный в любимом стиле капустника дебютный спектакль по случаю годовщины участка собрал полный зал.

*"Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – все кипит?"*

На сцене, за столом сидела сводная делегация породненных иностранных фирм. Сережа Куркин, сосредоточенный, в темных очках, зачитал поздравление от пролетариев парижских пригородов.

— Мосье, мадам! Шер ше ля фам. Нотр Дам де Пари – я "вжэ фини".

За ним последовал пламенный профсоюзный привет представителя британских тред-юнионов из уст Аллы Кучеровой.

— Ай лав ю, хау ду ю ду, бай-бай".

Многофункциональный Сергей Михайлович вышел на сцену в артистической блузе, почесал репу (Жванецкий отдыхает!), зычным голосом зачитал любимое и самопальное:

*"Я увидел вас под кленом,
Вы увидели меня
Стало все вокруг зеленым,
Даже лысина моя."*

Эврипидовским трагизмом даровитый лицедей выжал слезы жалости у благодарных зрителей, сорвал их длительные аплодисменты с криками "браво!". Вдохновленный высокой оценкой, поделился очень интимным:

*"Облетели листья, в парке стало пусто,
До весны увяло половое чувство?"*

С завершением всеобщего съезда, уходил девятый вал кочующих наладчиков, жизнь программистов входила в привычное русло. В спорах делились местные командировки, составлялись графики использования машинного времени. Принимались потенциальные заказчики на разработки, велись недетские переговоры, протоколировались деловые совещания. Жизнь была крепкой струей.

Регулярно приезжал институтский друг, ленинградский кунак, сердцу моему любезный Валерий Николаевич Чихман. Студенческое приятельствование – с тем же качеством отношений – естественным образом перешло в долгие, до солидных возрастных отметин деловые связи.

Валерий, выполнив обязательную выездную программу в заводском отделе внедрения, основательно устраивался на шестом участке. Выбрав время, с внешним безразличием заходил в приемную, где располагалась тревожившая его сердце Алена Вихляева.

"Любострастие в юности воздержанием умертвил" – глядел, вздыхал и, ободрясь увиденным, уходил.

*"Сияя
Возвышенным спокойствием, она
Была чудесной прелестью полна".*

В это благодатное время, с подачи пропитанного даром рифмования Бориса Михайловича Ольшанецкого, родилась и прижилась идея вечеров поэзии. Проводились они в сумерках, при свечах, на достойно оформленном столе. Каждый участник лирического коллоквиума читал домашнюю заготовку – любимое стихотворение. Завершал сходку презентацией своих произведений лично акын Ольшанецкий.

Вечера поэзии стали обязательной частью торжества поздравления женщин в праздник Восьмого марта. В его канун неутомимый затейник выписывал командировку в Сухуми (благо была такая возможность), возвращался с парой чемоданов мимоз, которые рассыпал небрежно на столах сотрудниц.

Жизнь на Парнасе в состоянии полной боевой готовности к стихосложению ("Служенье муз не терпит суеты"!) требовали свежести ощущений, обязательной новизны интимных переживаний.

"Был он смел

По части страсти и альковных дел".

Естественная для творческой природы переменчивость настроения едва не сослужила участку плохую службу в чрезвычайно актуальном деле расширения производственных площадей.

Эту проблему решали прямым контактом с отделом нежилого фонда киевского горисполкома, где установили взятый "под договор" с "богатеньким" заказчиком вычислительный комплекс. В дневное время наши специалисты бесплатно обслуживали именитое учреждение, по вечерам ладили свои программы.

В один из таких вечеров вел отладку Боря. Романтик, пребывая в состоянии стихосложения для очередной Психеи, в некоторый момент почувствовал предательскую тягостность пониже желудка, отправился по нужде.

"Как быть любви прекрасному пыланью,

При болях в нижней части живота?

Слабительные, клизмы, растиранья

Опасны слову нежному "мечта".

В туалете засиделся, размечтался – плотным ямбом пошла рифма. Совсем некстати процесс версификации прервала уборщица, яростно заелозившая шваброй по кафелю. Возмущенный автор попросил даму покинуть мужское отхожее место до завершения процессов – творческого и дефекации.

Кощеевна отреагировала нулем внимания и фунтом презрения, что-то ляпнув, между прочим, про интеллигентов – вообще и в частности. "Остапа понесло" – гордый творец прочитал долгий и гневный монолог о прекрасном в женщине, о достоинстве и деликатности, привел немало поэтических примеров.

Получи, фашист, гранату. Спустя несколько дней, в управление пришла жалоба городских властей на недостойное поведение инженера Ольшанецкого. В соответствии с нормами служебной отписки, нарушителя порядка, как изложили в ответе, наказали лишением премии. Правда, условно – был хорошим он парнем!

"Безумных лет угасшее веселье

Мне тягостно, как смутное томленье,

Но, как вино – печаль минувших дней

В моей душе, чем старе, тем сильнее".

Ларина как символ эпохи

Замечательной особенностью пуско-наладочного управления был даваемый им своим сотрудникам высокий статус пролетариев.

Такое роскошество стало возможным благодаря мудрой предусмотрительности отцов-основателей – при создании фирмы они использовали типовую штатно-финансовую структуру строительной организации, с приличными окладами и системой премирования.

Подтяжка к строительному делу выразилась в специфических наименованиях производственных подразделений ("участок", "бригада"), в благорасположении власть предержащих к авангарду рабочего класса при представлении к правительственным наградам, в продвижениях в выборные органы. Кроме того, не было анкетных ограничений в пополнении рядов работного люда сметливыми представителями "нетитульной" национальности.

Если наладчиков электронных блоков можно было с некоторой натяжкой сопоставить с монтажниками блоков бетонных, то мыслителей и писателей программ можно было соотнести разве что с "вольными каменщиками" – франкмасонами.

*"Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время".*

В начале семидесятых годов программирование было делом пионерским, профессиональные особенности почти экзотической специальности только устанавливались. Со временем оно, как субкультура, выработало свою этику, обрело свой лексикон, ее служители получили строгую систематизацию (системный, прикладной программист, специалист по базам данных), но в первородном очертании они делились на "умных" и "усидчивых".

Первые ведали хитроумие процессов составления упорядоченной последовательности действий для компьютеров. Вторые получали от толкователей и сочинителей детализированные задания, переводили их в тексты, коды программ.

Была в высшей категории особая прослойка богодарованных специалистов, создававших изысканные программные модули, из набора которых – как из кирпичей! – монтировались программные композиции под заказ.

Талантливым мастером такой кладки был Геннадий Михайлович Романяк – самородок, великого трудолюбия личность. Поступив на работу невидным, не имеющим специального образования специалистом, Гена через пару лет стал звездой первой величины в неформальной ассоциации системных программистов Советского Союза.

Ведущие организации страны, связанные с разработками вычислительных комплексов, привлекали Романяка в качестве основного консультанта, использовали его разработки. Авторитет нашего

неспешного, вдумчивого, очень выдержанного коллеги долгое время был фирменной меткой участка номер шесть.

Весной семьдесят третьего года, получив сан начальника участка программистов, произнес перед сотрудниками вдохновенное апостольское слово. Оповестил о переводе программирования на строительную основу, о зияющих, подлежащих покорению, вершинах. Одним словом, мели, Емеля, твоя неделя.

По завершению тронной речи феминистка Ларина поинтересовалась, не возникнут ли на ухабистом пути научно-технического прогресса сбои в выделении достаточного количества местных командировок женской части коллектива.

"Какие глупые места!

А, кстати, Ларина проста"

В рассматриваемый исторический период ватага программистов занимала одну, очень большую – на полсотни столов – комнату, атмосфера которой была постоянно насыщена плотным смогом нерабочих разговоров. Созидать, выполнять план и сопутствующие социалистические обязательства в подобном присутственном месте могли только люди стальной воли.

Было мало искусников, умевших отвлечься от шумной действительности, уйти в себя, нырнуть в творческую нирвану. Неспешный, почти интимный процесс зачатия и выхода в жизнь программного продукта требовал от его творца особой собранности, игры ума и воображения при отсутствии внешних раздражителей.

"Тишины хочу, тишины?"

Нервы что ли, обожжены?"

У Аллы Михайловны Лариной, относившей себя к сливкам специалистов, творческий процесс шел только в домашней обстановке, под истомную музыку и килограмм конфет "Белочка" на одно математическое изделие. Такой стиль деятельности активно поощрялся – его нарушение, выходы сладкоежки "в народ" превращали деловое общение в "толковище", в театр одной актрисы (кстати, прекрасно владевшей литературным слогом).

"В ее речах царила полумгла,

Ее сужденья на любые темы

Являли теоремы и проблемы".

Однажды рассказала "девочкам", как в только купленном лифчике стала под душ для проверки качества изделия. В результате, из его полусфер поползли набухшие клочья газет, что нашло в устах рассказчицы образную оценку: "А оттуда – романы, романы?"

В другой выход на работу тема бюстгальтера повторилась в жалобах примы на собственную рассеянность. Во время примерки на толкучке в Беличах модных тогда сапог на "платформе" плут торговец выхватил из ее рук ридикюль и дал деру.

Расстроенная потерей больших, превышавших стоимость невольной обновки, денег Аллусик вернулась домой. И только перед сном обнаружила пропажу в кошельке, который перед выходом на базар затолкала в самое надежное, практически всеми женщинами используемое место хранения.

Но все упражнения в элоквенции были легкими забавками в сравнении с проявлениями болезненной страсти Аллы Михайловны к чистоте. Устная хроника хранит сотни примеров этой душевной немочи страдальцы.

Регулярное мытье рук после контактов с "нечистой" окружающей средой. По этой причине кран дома никогда не закрывался; вне дома, открывая его, чистюля предварительно натягивала на руку полиэтиленовый пакет.

Вешалками не пользовалась, верхнюю одежду укладывала на предварительно застланный газетами стол.

Сына Стасика, переступавшего порог квартиры, у входа всегда ждал тазик с водой, в котором мамочка вымывала бедного пацана с ног до головы.

Однажды, успешно сдав пакет программ Московскому управлению магистральными газопроводами, с коллегами по бригаде прогуливалась по улице Горького (ныне – Тверской улице). Проходивший мимо пьяненький замоскворецкий апаш, не задумываясь о последствиях, необдуманно хлопнул Аллу Михайловну по филейной части, добавив: "Хороший тухес – тоже нахес".

Рычанье разъяренной львицы отрезвило фамильярного москвича, и он позорно бежал. Хулиган не мог и предположить, что причиной гнева случайной прохожей стала не его развязность, а немытые руки.

Помимо страсти к чистоте, "пунктиком" нашей коллеги было неудовлетворительное очертание собственного профиля. Несколько лет спустя после случая на Тверской, исполняя договорные работы в институте ревматизма, что на Петровке, по открывшейся протекции Алла Михайловна попала в институт красоты, что на Арбате. Там прелестнице подправили нос, придали ему нужное очертание. Сделали его, по желанию заказчицы, схожим с носом знаменитой Элизабет Тейлор.

*"Румяные уста, изящный нос
И легкий локон шелковых волос".*

"О подвигах, о доблести, о славе"

Кочевая командировочная жизнь сотрудников пуско-наладочного управления с регулярной сменой среды обитания и общения, обилием новых и новых знакомств дала немало сюжетов, которые суммарно могли бы стать канвой не одного романа.

Наиболее бойкие из них – с изюминкой! – надолго оседали в архивах сказителей и слушателей, "бронзовели", превращались в каноническую основу изустной истории фирмы.

*"И живут с тех пор в народе
Песни, сказки и преданья".*

Довелось и мне услышать немало смуток да баламуток, лукавая память обещала сохранить их, но на дороге жизни многое растеряла, хотя кое-что все же удержала.

Лошадь-алкоголик

Верховным носителем преданий и строгим исполнителем обычаев был Виктор Иванович Цвик, получивший по этому поводу народное звание "профессор". Был он милосерден, добр и обаятелен. Своей прятанной за роскошными усами гипнотической улыбкой смутил не одно женское сердце.

Впрочем, тревожил не только сердца, но и физиологию — в гармоническом ряду достоинств Виктора Ивановича наиболее значительной признавалась фаллическая составляющая, за что ее хозяин имел второе, ласкательное именование — "сперматозавр".

Мастер басенного жанра, певец сладкозвучный, Боян нашего времени сказывал свои предварял длинной преамбулой, завершавшейся коронной фразой-прокладкой: "И представьте себе?", после которой — как взрыв — следовал яркий, аллегорический финал.

*"Боян же вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу?"*

Впервые со сценическими приемами маэстро познакомился, слушая рассказ о его пребывании на металлургическом комбинате, где, профессионально знакомясь с состоянием производства, он оказался в зоне притяжения подъемного крана с электромагнитом. "И представьте себе, — патетически финишировал рассказчик, — кран вытащил (прорвав штанину!) из брючного кармана перочинный ножик, а из ботинок — гвозди".

В рассматриваемый исторический период в Москве существовал центр отдыха и досуга специалистов управления: пивной бар у Киевского вокзала (в народе — "Сайгон"), где электронщики и программисты коротали время в ожидании посадки на поезд, общались, освежались. В нем всегда можно было найти коллегу-нарочного для передачи в Киев документов или требующих скорого ремонта плат, получить обратную посылку.

В этом шалмане осенью семьдесят третьего года с "профессором" и двумя наладчиками-подельниками отмечали удачный приезд из Аральска — места моих недавних офицерских бдений, — где "подправили" было захандривший, до боли мне знакомый вычислительный комплекс.

Заведение только пережило оздоровляющую борьбу с рукотворным недоливом и уменьшением плотности базового напитка — на каждом столе была смонтирована дистанционно управляемая система выдачи пива клиенту. Официант получал за заказ деньги и передавал их диспетчеру,

который – манипулируя переключателями – отливал строгую пол-литровую дозу в удаленный бокал.

Потеря быстрого дохода от хмельного бизнеса угнетала "половых". Раздраженные и злые они бродили по залу. Один из них, пьяненький и худосочный, с зачесанными за растопыренные уши парой локонов, долго канючил у Виктора Ивановича стаканчик пива. "Профессор", уже давно почитавшийся персоналом заведения за неформального метрдотеля, поставил попрошайку на место: "Лысый! Пойди пописай!"

Затем, что называется "в масть", дал сольный номер. Он поведал, как знойным июльским днем томился с подчиненными ему наладчиками в очереди за пивом в дальнем городе Новосибирске. Рядом, отгоняя хвостом надоедливых мух, потела лошадь, доставившая к ларьку сменную бочку драгоценной влаги.

Повинуясь безотчетному чувству жалости, Виктор Иванович – натура широкая и щедрая – протянул измученному животному свою первую кружку. Савраска, словно мощная помпа, в момент засосал ее содержимое. Скорость поглощения поразила специалистов по электронике, и они продолжили почин шефа.

Конь о четырех ногах спотыкается. После пятой кружки осовевший мерин уткнулся мордой в асфальт, распластав на нем разъехавшиеся ноги. Очередь в восторге зарыдала, забился в истерике возница.

Вечером, по дороге в аэропорт, таксист с восхищением рассказал в деталях пассажирам, как на Красном проспекте киевляне опоили лошадь. Узнав, что герои дела – его попутчики, от платы за проезд категорически отказался.

"И представьте себе, – элегантно закруглил "профессор", – через год вновь побывал в Новосибирске и узнал, что ставшая знаменитой лошадь, не приняв с утра кружку пива, за работу не бралась".

В пивном баре пролетел тихий ангел, за столом воцарилась тишина. Слушатели, чье хмельное сознание давно потеряло возможность критических оценок, загрустили о судьбе доброго животного. Добыть остродефицитное пиво в те времена можно было, да и то не всегда, только после долгого и утомительного стояния в очереди.

Помощь высших сил

*"Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали,
За ворота баимачок,
Сняв с ноги бросали."*

В духе приведенной выдержки из классика развивались события на кафедре психологии Московского университета на исходе семьдесят седьмого года. Закрывшись в своей келье – комнате для лаборантов – кафедральные дивы гадали о судьбе предначертаниях. На листе ватмана чертили круг, делили его на секторы, вписывали в них весь российский

алфавит – по паре одинаковых букв в противоположащих симметричных друг другу секторах.

Точно над центром сложной геометрической композиции удерживали маятник – подвязанное к нитке золотое кольцо. Гадалка обращалась к высшим силам, сообщала существо просьбы, ходатайствовала пособить в решении актуальной проблемы.

В случае благорасположения внеземной инстанции, маятник приходил в движение, перемещая плоскость колебания от одного к другому сектору. Из букв составлялись слова, из слов – предложения и, в итоге, ответ на поступивший запрос.

В соседней комнате, в так называемом машинном зале, приводила в лад неподатливую вычислительную машину "Мир-2" бригада Толика Яременко. Электроника капризничала, отказывалась работать. Нервничал недавно принятый на работу напарник. Его жена, раздраженная длительными отлучками супруга, требовала уволиться, грозила репрессиями.

Анатолия, человека быстрого полета мысли в этой критической ситуации осенило – по его просьбе мастерицы белой магии обратились в оккультный департамент с просьбой указать наименования дефектных плат. Служба чудес не подвела, маятник, поколебавшись немного, указал наименования негодных к использованию изделий. После такого откровения успешное завершение работы для Анатолия стало делом техники.

Но, как впоследствии утверждали фанатичные адепты рукотворных таинств, было еще одно чудо: свыше была передана дополнительная информация для неопытного наладчика – имя соседа по лестничной площадке.

Не верь коню в поле, а жене на воле. Бросив дела, ревнивец улетел в Киев, где на корню пресек попытку семейного бунта.

*"Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам."*

Две стыковки

Во второй половине лета семьдесят пятого года на дальней орбите стыковались космические станции "Союз" и "Аполлон".

В это же время в Перми, в одной из его центральных гостиниц, состыковались две бригады пуско-наладочного управления, работавшие в разных организациях города. Представители третьего и четвертого участков, по предварительному соглашению бригадиров Степанова и Сидоренко, встретились, чтобы достойно отметить завершение советско-американского эксперимента.

Русское вливание не терпит отставания – между первой и второй перерывчик небольшой.

После бодрого вступления состоялся серьезный и обстоятельный обмен мнениями о многом, важном и близком. Пришли обвешанные грустью воспоминания и размышления. Третий тост "за милых дам" (тостующий

попутно отметил, что женщины делятся на дам и не дам) вызвал долгую череду рассказов о романтических командировочных похождениях, с последствиями и без последствий.

Тема эта разбредила раны, поэтому после пятой стопки в душах участников сходки поселилась абстрактная печаль, а после шестой – черная свирепая тоска.

Где пьют, там и поют. Сделав седьмой подход, мастер по влажному делу Боря Мошкин принял вес на грудь, после чего – связно и музыкально – исполнил песнь томления. В лапшу пьяный Алик Кибальниченко "сбацал" цыганочку с выходом.

Через полчаса два страстных меломана – Степанов и Мошкин, – ухватив один одного за грудки, возобновили старинный спор о сопоставимости творчеств Генделя и Баха. Сидя за столом, бросив голову на руки, рыдал Кибальниченко. Удобно устроившись в креслах, приглашенные администрацией гостиницы мильтоны с восхищением досматривали по телевизору успешную космическую стыковку.

Позже, когда служивые люди уехали ни с кем, а Мошкин и Степанов перешли к выяснению степени взаимного уважения, загостившиеся Борис Иванович Сидоренко с сохранившими стойкость товарищами понесли тело Алика Кибальниченка к месту временного проживания – в ведомственную гостиницу на окраине города.

За время долгого и тернистого пути много намучились, роняли неудобный груз на жесткую дорогу, но святой долг мужской взаимовыручки исполнили.

Утром спавших беспокойным сном носильщиков поднял на ноги рев смертельно раненого зверя. Посреди комнаты, в одних трусах, стоял на коленях Алик. Обхватив ладонями лицо, он качался "взад-вперед", разрывался в рыданиях.

Выплеснув горе, успокоился, затих, опустил безнадежно руки и с драматическим надрывом прохрипел: "Мальчики! Я, кажется, ослеп". Онемевшие от ужаса земляки увидели, что к покрытым запекшейся кровью бровям мученика – следствие неаккуратной доставки тела! – прилипла обильная помидорная кожура, прошедшая скорый обратный путь из желудка через пищевод наружу.

Благолюбивый Борис Иванович подошел неслышно к убитому горем другу, возложил на его голову лучащуюся позитивной энергией ладонь. На некоторое время воцарилась тишина, затем, словно принесенная издали ветром, зазвучала негромкая и благостная музыка, зазвенели колокольцы.

Застывшая сукровица с вежд слепца опала, он прозрел и, не веря своему исцелению, припал в похмельно – горячечном восторге к стопам благодетеля.

"Через малое время исправился, пришел в покаяние и познание истины и пребывал в великом благоговении, что многие кротости и смирению его дивились".

База "Родники"

В середине семидесятых годов двадцатого века, пуско-наладочное управление, в основном за счет строительных усилий своих сотрудников, возвело на берегу Роси прекрасную базу отдыха "Родники". Сотня обустроенных финских домиков в прозрачном сосновом бору у села Дыбенцы стали местом летнего отдохновения временно свободных от исполнения обязанностей специалистов. На ней они залечивали раны, восстанавливали душевные и телесные силы в успокаивающей тиши лесов, в бодрящих водах быстрой реки, в кругу семьи, друзей и подруг.

С начала своего существования небольшой санаторный посад в сотне километров от Киева приобрел особую притягательность, борьба за двухнедельные путевки в него начиналась еще зимой при распределении отпусков на очередной год. Многие предпочитали уютный и достаточно комфортный отдых в привычной, близкой душе обстановке лесостепных пейзажей, хотя было доступным в те годы отпускное времяпрепровождение на крымском или кавказском побережье.

За базой отдыха тянулись обширные лесные массивы, в которых, благодаря особому составу почв, требуемому сочетанию хвойных и лиственных деревьев, количеству выпавших осадков, поднимались россыпи грибов – белых, польских, рыжиков, подберезовиков, подосиновиков, маслят, сыроежек, груздей, моховиков.

Задолго до рассвета невидимая пружина выбрасывала в далекие чащи авангард любителей "тихой" охоты, которые, избегая соседства непереносимых конкурентов, рассыпались по заветным местам. По возвращению удачливые участники вылазки демонстрировали свою добычу или, с трудом скрывая "белую" зависть, переживали успехи более проворных соперников.

Игорь Гнеденко – частый победитель грибных гонок – познакомил меня с редким и очень вкусным, похожим на большой язык, печеночным грибом, но не смог убедить отведать, по его словам, съедобного зонтичника.

Однажды, возвращаясь с солидными трофеями из дальнего грабового леса, прошли с сыном Сергеем в обязательном победном марше мимо павильона-столовой. Сын гордо нес перед собой под килограмм весом боровик.

Через несколько минут, прервав завтрак, толпа отдыхающих стремительно, в полном молчании полетела в лес. Впереди, подгоняемый возмущенной супругой, бежал директор базы, отставной старшина Пронин в сопровождении сынов и невесток.

*"Случалось ли вам собирать грибы
В лесу, где тропинки протоптаны лешим?
Где кони тумана встают на дыбы
В проемах полей и зеленых пропелшин?"*

Богатая рыбой Рось намертво приковывала к себе любителей старинного забавления, увлекала магией рыбной ловли новичков.

Прохладными рассветами, по росе десятки рыбарей расходились по заранее прикормленным местам, на несколько часов переходили в состояние скрытого экстаза единения души с природой.

Рыбный промысел велся многими приемами, не ограничивался обычной удочкой. Вне конкуренции был мой добрый и надежный приятель Леня Кириенко – мастер спорта по академической гребле, прежде член сборной Украины. Бесстрашный атлет нырял в речные глубины у плотины, бил из ружья притаившихся в ямах сомов к восторгу сидевших по берегам детей.

Виктор Иванович Цвик ("профессор" Цвик), универсальные знания которого захватывали и рыбалку, обучил меня очень непростой ловле голавля на "перетяжку". Так именовалась пара спиннингов, соединенных единой лесой с поводком посередине – на нем, в качестве наживки, болталась стрекоза.

С "профессором" располагались друг напротив друга, по разные стороны узкой, покрытой валунами реки. Синхронно с направлявшим процесс учителем вращали, туда-сюда, катушки, имитируя полет стрекозы над водой. Потерявший бдительность голавль выскакивал из воды, бил приманку хвостом, которую Виктор Иванович тут же сбрасывал на воду. Рыба хватала поверженную добычу, "профессор" подсекал и вытаскивал на берег очередного красавца с черной спиной и серебристыми боками.

Впоследствии, просматривая сочинения страстного любителя уженья рыбы Аксакова, сопережил с автором потрясение по случаю сорвавшейся с крючка рыбы, сопоставив его с собственными ощущениями в подобной ситуации.

"Забыл стариков запрещение не трогать руками за лесу – Леса порвалась, головль перметнулся и в воду".

По базарным дням наиболее хозяйственные представители женской части отдыхающих с первыми петухами выбиралась рейсовым автобусом в районный центр Богуслав. Ехали закупить дешевых ягод и фруктов, пополнить запасы продуктов, освежиться в общении с продавцами – с быстрыми междометиями и яркими эпитетами.

Летом, особенно в августе-сентябре, заезжий люд мог подивиться роскошеству торговых рядов базара, обилию и доступности даров полей, огородов и садов, молочных продуктов, рыбы и мяса. Здесь можно было насладиться, переходя от торговли к торговке, предваряющими покупку пробами сала – мягкого, тающего во рту, с ароматной (только соломой обожженной!) шкуркой.

Была неповторимая прелесть в видах маленьких украинских городков, где за внешним порядком, аккуратностью и ухоженностью стояла житейская надежность положения их граждан – спокойная, налаженная жизнь, обеспеченность работой, возможность дать толк и ход потомству.

Провинция в те благоуспешные годы процветала, население множилось. Никто и помыслить не мог об ее оскудении и

стремительном сокращении числа жителей, о бегстве трудоспособного люда – с целью выживания – в набухающую от перенаселения столицу-мегаполис.

В оздоравливающей, запахом смолы напоенной атмосфере леса особо хорошо шли спортивные развлечения. Одни играли в бадминтон, волейбол, настольный теннис, шахматы. Другие отдавали предпочтение "литрболу", старинной народной забаве – "метанию галушек". В азартных играх повзрослому расслаблялись вырвавшиеся на профсоюзный отдых мужики.

Первопоселенцы помнят, как однажды нравственно искалеченный многомесячными командировками инженер-электронщик допоздна, до пустого стакана заигрался в преферанс в компании друзей.

Того не ведая, в тусклом свете освещавшей рекреационную зону ртутной лампы, сбился с пути, забрел в чужой домик, где (как он впоследствии объяснял супруге) переспал в обнимку с пустовавшей односпальной койкой.

Оказавшееся на пути шатуна помещение занимала одинокая дама, представлявшая администрацию завода ВУМ. Пробудившись под утро, возмущилась непрошеному – хуже татарина – гостю и изгнала его (так она комментировала происшествие любопытствующим).

*"Спит Розита и не чуёт,
Что на ней матрос ночует.
Но пробудится Розита
И прогонит паразита".*

Жена объяснениям шалунишки не поверила, скандал в лесах гремел до отъезда беспокойной пары. Наладчик вернулся на работу с расшатанной нервной системой.

Вечерами, по исполнению обязательной дневной программы отдыха – лес, рыбалка, купания, гуляния – население базы собиралось у своих домиков. Шло неторопливое общение, наносились визиты, дети объединялись в игровые группы. Запасливые хозяйки варили варенье, консервировали грибы. Директор Пронин приступал к обязательной, очень его увлекавшей вечерней проповеди по громкоговорителю – "бубукал" о нарушении правил купания, пожарной безопасности, санитарии, призывал к порядку и аккуратности.

Фирменную маркировку базе "Родники" придавали устраиваемые непревзойденным кулинаром Нилой Соколовой лукулловы пиры, где вкусовая гармония яств удовлетворяла капризы самого взыскательного гурмана.

В приходившийся на середину июля день рождения, под который умелица подгадывала путевку, на праздничные столы выставлялись, в частности, кровяная колбаса по-княжески, колбаса домашняя, паштет из гусиной печени, фаршированная и заливная рыба, особого приготовления салтисон, пирог клюквенный.

*"Желудок всех гостей отягощал
Избыток яств; все кушали ретиво,
И каждый поневоле ощущал
Телесности простейшие призывы".*

Перед открытием сезона, в конце мая, было принято приводить базу отдыха в по-военному образцовый порядок. Первой приезжала команда Володи Осипенко, от участка ремонта электронных узлов, пару недель налаживали радиоточки, бытовую технику.

В последнюю пятницу месяца, после обеда, автобусом переправлялся коллектив участка номер шесть, который до полуночи бесшабашно отдыхал, а следующим утром снимал похмельную усталость напряженным трудом.

В один из таких приездов нас встречал Боря Шубинский. Уже имея путевку на первый "заезд", он продлил удовольствие – загодя приехал с сыном и жил с ним в палатке, на лужайке за ручьем.

В лесу раздавался кларнет тракториста. Возмущенный затянувшимся дождем, Боря "костерил" небесную канцелярию за испорченный отдых. Изменение одной буквы в строке Пушкина точно отразило увиденную картину: "Боря мглою небо кроет".

Борис Иосифович, натура кипучая и безусловная, отставной солдат, занимал видное положение в системе гражданской обороны управления. Во время полномасштабных учений возглавлял службу охраны общественного порядка, что подтверждала нарукавная повязка с сокращенной надписью: "ООП".

Умилившись увиденным, к оппортунисту подошел Миша Ходарковский и со смыслом пожал руку. (ООП на языке политической аббревиатуры означает – Организация освобождения Палестины).

Из-за непогоды долго не могли разжечь костер. Выручил, бывший с нами, инженер по технике безопасности, отставной полковник Иван Андреевич Крамаренко, проявивший сметливость в стиле хитроумных запорожских козаков (те варили кулиш в деревянных котелках, предварительно помещая в них раскаленные докрасна камни).

Опытный воин положил в тлеющий костер массивный булыжник, метнул издали в него бутылку с соляжкой ("коктейль Молотова"). Над окрестностями повалили клубы дыма, как от подбитого танка.

После взятия Берлина капитан Крамаренко с группой истосковавшихся по изысканной женской ласке однополчан "двинули" на джипе на Париж. Перед въездом в город наткнулись на предусмотрительно выставленный комендантской службой патруль, который разворачивал всех рвавшихся в столицу союзников храбрых русских.

Компания расположилась на высокой и широкой дамбе, насыпанной над заключенным в трубу ручьем. Сидели на нескольких длинных бревнах. Погода наладилась, ветер разогнал тучи, светила луна. Угли удались – в их жару шашлыки из свиного ошейка быстро созревали.

Дружно рыдали Алла Кучерова и Люда Авраменко – "Ты у меня одна, словно в степи сосна". Когда прозвучало роковое – "Можешь совсем уйти, только свети, свети", – краем глаза зафиксировал согревшую сердце картину.

Со стороны базы, по склону в нашу сторону перемещались, поддерживая друг друга с трогательной заботливостью ненормативных любовников, Олег Михайлов (начальник планово-экономического отдела, гарант стабильности премиального фонда управления) и Марик Кругряк (программист, специалист по компьютерной обработке аэрокосмических изображений).

Подвинулся, уступая место приближавшейся паре, затем отвлекся на раздачу шампуров с готовой продукцией. Хотел было вручить шашлыки гулякам, но не обнаружил их – горизонт был чист.

Через некоторое время услышал шорох, сопение. Обернувшись, обнаружил рядом с собой две мужские фигуры. Внимательно присмотревшись, понял, что Олег и Марик, в конце концов, добрались до цели. Событыльники, с ног до головы покрытые толстым и плотным слоем глины, сидели тихо, лица их сквозь грязевые маски изливали благостность и наступившую трезвость.

Дошел смысл происшествия. По дороге ходоки сбились с курса, промахнулись и скатилась в ручей, долго выбирались по рыхлой от прошедшего дождя насыпи. В растекавшихся от костра жарких потоках воздуха глина на частях тела друзей затвердевала, превращая их в керамические элементы будущей садовопарковой скульптурной композиции.

Возглавивший спасательную операцию Дима Понировский быстро принес пару ведер воды. Страдальцев обмыли, прогрели внутренним компрессом, просушили и накормили. Посиделки удались чрезмерно, но на субботник вышли не все.

...

Много лет спустя дела привели меня в эти края, в места, неподалеку от которых некогда размещалась наша знаменитая база отдыха. Стоя на опушке выходящего на крутой берег леса, припомнил тот особого комизма случай, ту пульсирующую боль в животе, которую испытал, дергаясь – вместе с другими участниками гуляния – в истерическом хохоте у догорающего костра.

*"Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда".*

Был май, "деревя едва венчались нежной зеленью листвы", в воздухе гудели хрущи, внизу – среди красного гранита скал – бурлила неумная Рось, река особой значимости и загадочности.

*С Росью связано формирование славянорусской народности,
зарождение его государственности. Здесь издревле размещался главный
культурный центр "Русской земли", название которой возникло не без
связи с названием этой быстрой реки.*

Рось стала естественной границей Киевской Руси, левый берег которой государственный Ярослав Мудрый обустроил "острожками", городами (Корсунь, Богуслав, Юрьев – ныне Белая Церковь – был назван христианским именем великого князя). В них он подселил к коренным жителям Поросья ("порошанам") приведенных из удачного похода пленных поляков.

Киевские князья продолжили эту практику – приводя к покорности очередных воинственных степняков (печенегов, торков, берендеев), они давали им "города и вежи" по течению Роси для несения пограничной службы. Эта смесь "племен, наречий, состояний", эти отдаленные предшественники приднепровских козаков (или – черкасов) были основной силой, сдерживающей атаки неукротимого врага – половцев. Их, увы, использовали князья в ослабляющих Русь внутренних междоусобицах – разборках.

Был жестоким ход истории. Как пишет историк Соловьев, "Форсировав Днепр у южных границ Руси, монголы прошли "облавой" от Поросья до Киева". Надолго (до появления литовцев, затем – польских магнатов) запустили эти края, но законы генетики сохранили след тюрко-язычных предков в потомках, в "карих очах, чорних бровах" жителей современной Украины.

*"Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой."*

Фам фаталь

Любит наш брат потешить свое "его" кажущимся знанием природы женщины, ее психологии, логики поступков, тонкостей чувствования. Не обошла и меня эта мужская страстишка. Много накопила память в своих закромах сведений, наблюдений, оценок – полушутливых, полусерьезных, но всегда почтительных – касательно теории и практики женского вопроса.

Как учит теория "либидо" Зигмунда Фрейда, возрастные пробуждения мужской чувственности вызывают непрерывные выбросы энергии продолжения рода человеческого, порождает всепоглощающую магму восторга мужчины перед обожаемой женщиной. Взаимная пылкость, первая и искренняя, не всегда образует брачную пару, но оставляет рыцарю на память, на всю оставшуюся жизнь сравнительные воспоминания о единственной и неповторимой.

*"Среди миров, в сиянии светил
Одной Звезды я повторяю имя?
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими".*

Как утверждает суровая практика, с переходом женщины в следующий за молодостью возрастной период встречная активность партнера заметно снижается – яркую поэзию отношений сменяет строгая проза, аналитическая беллетристика. Не одну полосу препятствий, выстроенных взыскательной

мужской требовательностью, доводится преодолевать женщине на пути к интимной успешности.

*"У женщины в глазах с годами меркнет пламя.
Ложится на виски слепой узор морищин;
Скрывают женщины свой возраст, но с годами
Все толще слой румян, все строже взгляд мужчин".*

Как свидетельствует многовековой опыт, мужчины превращаются в скептиков и циников, когда заходит речь о женских возможностях на ниве общественной, служебной, научной деятельности – большинство сильного пола допускает эффективность пола слабого только в решении проблем быта, в делах семьи.

*"Смотрите-ка, за что мы ценим жен.
Зачем нужна нам красота и грация?
Лишь для того, чтоб умножалась нация".*

Полтора десятка лет проработал в большом научно-производственном коллективе. Могу засвидетельствовать, что имевшие численное преимущество "дщери Евины" в тонком и деликатном ремесле программирования ни в чем не уступали "сынам Адамовым".

Женский ум лучше всяких дум. Были точны и аккуратны в простейших процедурах программирования и подготовки текстов, проявляли высокий уровень знаний в решении сложных системных задач. "Синих чулков" не водилось, женщины-специалисты неизменно оставались прежде всего представителями нежного пола с им присущими достоинствами и особой силы оружием – слабостями.

Эмма Ивановна Пинская к непростой дисциплине программирования приступила в начале семидесятых годов, на заре эпохи автоматизации, когда нехватка специалистов побуждала "людей длинной воли" реализовывать данный природой потенциал в только формировавшейся отрасли знаний, порой резко переквалифицируясь.

Отважная леди совершила особой крутизны взлет в сферу высоких технологий с изысканных равнин моделирования верхней женской одежды. На коренную профессию постоянно указывало совершенство линий туалетов новообращенной, которые она собственноручно проектировала и шила, а также неукоснительное соблюдение в новой специальности золотого правила "Семь раз отмерь, один раз отрежь".

Вкус в подборе нарядов дополняла элегантностью манер, а бесспорные математические способности сочетала с редкой для дамского сословия сдержанностью в речах, чем высоко поднимала свою умственную планку в глазах мужчин.

*"Она имела ум математический
Держалась величаво до жеманности.
Шутила редко, но всегда аттически?"*

Выдающимися внешними данными не обладала, но была "чертовски мила". Умела верно подать себя окружающим. Длинный коридор управления превращался в подиум, когда по нему шествовала топ-модель от участка номер шесть, – нервничали женщины, пресекалось дыхание у теснившихся вдоль стен мужчин.

Научение Эммы новой профессии вел лично мэтр Паранский, яркий представитель романтического крыла теории и практики программирования. С энтузиазмом взялся за дело, поставив целью показать эффективность своей методики быстрой подготовки специалистов.

Рассеянный мыслитель часто отвлекался от уроков, надолго уходил в себя, возвращался со свежими идеями и замыслами. Их затем реализовывала самобытная ученица в рамках договора с московским научно-исследовательским институтом гигиены детей и подростков. Заведующий лабораторией этого учреждения, холостой и видный Валерий Кобеляцкий высоко ценил произведения мастерицы, обожал ее – равно как и достойно замыкавший классический и равнососторонний треугольник супруг по имени Эмик.

*"Ведь ежели любовник неженатый, –
То меньше грех и меньше риск расплаты".*

Долгое время солидные и платежеспособные московские организации – закрытые оборонные предприятия (так называемые почтовые ящики), ведущие институты, крупные заводы – были потребителями программной продукции. Их денежные вливания в казну управления не только давали нескучную зарплату исполнителям заказов, но позволяли также содержать элитную часть специалистов, занятых перспективными разработками.

Постоянной компонентой такого резерва, золотовалютным запасом участка номер шесть со временем стали титаны и профессиональные математики Ходарковский и Побегай. Отвлекаясь от суеты сиюминутных проблем, герои переводили в машинные коды драгоценные россыпи фундаментальных находок, служили генетическим фондом принципиальных постулатов программирования.

Компанию им составлял многоопытный, рассужий и добропамятный Леонид Исаакович Пальма. Владелец благозрелой внешности (пышная борода, вдохновенно-взлохмаченная шевелюра, аристократическая тонзура на макушке) признавался великим докой в искусстве интеллектуальной начинки компьютеров. Многими их языками владел, немало толковых записей оставил на скрижалях завета.

Отличался внешней сдержанностью и осторожностью в принятии решений; иногда ярился, но быстро остывал. Был афористичен, ревниво охранял свое достоинство в глазах окружающих.

Не отказывался от житейских утех. Под настроение и заработок мог посетить ресторан "Прага", что на Арбате, выкушать хрустящего рябчика в соусе белой калины в сочетании с бутылочкой божественного "Божоле".

*"Он был законченным, отменным
От головы до пяток джентльменом".*

Уважаемый патриарх вел большую селекционную работу, выискивая в стремительно разрастающейся среде пользователей вычислительной техникой не просто жаждущих автоматизации и надежных в платежах, но и отвечавших его предпочтениям и характеру сибарита. В результате такого искательства учинил союз с филиалом ленинградского физико-технического института, располагавшегося в благословенном городе Сухуми. Последовали годы тяжкого труда – в холодные погоды программы ладилась в Киеве, в курортный сезон трудящиеся перелетали к морю. Избыток командировочных средств позволил выстроить систему посещений черноморского побережья всеми, того заслуживающими сотрудниками участка. Заработал дополнительный механизм поощрений, пресеклись досужие и завистливые домыслы, утвердилась особая благостность отношений в коллективе.

К моменту открытия кавказской кампании Эмма Ивановна, несмотря на увольнение первого учителя, успешно завершила договорные обязательства со столичным институтом, получила аттестатскую похвалу, приобрела солидный авторитет. Сам главный инженер и ценитель изящного Альберт Самсонович Оганесян находил время в тиши кабинета поворковать с милоликой наядой об актуальных концепциях и перспективах информатизации общества.

При подобных обстоятельствах перемена климата, перемещение "с милого севера в сторону южную" было естественным карьерным шагом на пути быстро прогрессирующего специалиста. Правда, попасть в команду разработчиков для броска на юг было непросто – в верхних слоях программистского сообщества шла жесткая борьба за каждое свободное место; зубр Пальма не допускал легкомыслия в затеянном деле.

"Фам фаталь" двинулась вне очереди, поженски основательно взялась за командора. Грех сладок, а человек падок. Леонид, обычно относившийся к коллегам-женщинам с ироничной снисходительностью, пытался сопротивляться, но тонкая лесть и многозначительные намеки роковой Эммы смяли нестройные защитные построения.

*"И каждое движенье, каждый взгляд –
Залог неописуемых усад".*

Сдерживающий мужской скептицизм испарился, вакансия открылась, договорились о совместном вылете в абхазскую столицу для ознакомления с фронтом работ.

Смотрины не удались. Уже в аэропорту убытия – Борисполе – под воздействием силы тяжести набитого нарядами баула спутницы с глаз обходительного кавалера спала пелена абстрактных надежд. Самолюбие его было окончательно уязвлено сделанным в аэропорту прибытия открытием, что основной весовой составляющей ноши был модернизированный чугунный уют.

Оценив проявившуюся перспективу служить вспомогательной оснасткой на деловом пути коварной соблазнительницы, Ленчик ударил по тормозам. Знакомя ее на объекте посещения с проблемами автоматизации, многократно усложнил содержание и предельно затуманил смысл технического задания.

В добавление к этому, Эмме Ивановне – натуре тонкой, требующей аккуратного и обстоятельного обожания, – пришлось не по душе свирепожадные взгляды и кипящая страсть в комплиментах кавказских джигитов. В итоге, по сочетанию производственных и личных причин отказалась от заманчивого варианта, по возвращению из командировки предпочла ему выверенное личным опытом московское направление.

Ее дружеские отношения с Леонидом Исаакович стали еще более деликатными и устойчивыми.

*"Ведь вредно только страсти состоянье
Для нежной дружбы. Повторяю вновь,
Что женщина как друг всего вернее,
Лишь не ищи любовной связи с нею".*

Владимир Иванович Кононов

Душным июльским вечером семьдесят девятого года посетители киевского гидропарка могли наблюдать сюжет, достойный кисти Айвазовского.

Мчавшийся по днепровской протоке прогулочный катер, с лыжником на буксире, крутым виражом выписывал спасительную параболу, уходя от лобового столкновения с выплывавшей из Десенки баржей.

Красоту исполненного маневра омрачила невнимательность любителя воднолыжных забав, нарушившего инструкцию, которая обязывала его в критической ситуации сделать рывок к берегу и бросить буксировочный трос. Под истерические выкрики и отчаянную жестикуляцию пассажиров катера азартный спортсмен вычертил поперечный бурун перед носом им не замеченной посуды и лег на обратный курс.

Продemonстрировав красивым финишем немеркнущие достоинства настоящего гусара, подполковник запаса Кононов – кандидат технических наук, специалист в области качества аэрофотосистем – гордым Нептуном вышел из речных вод.

Полуобморочное состояние оцепеневшего от ужаса рулевого сделала для куражистого гонщика водную прогулку первой и последней, но не омрачила торжества победы – выгнулась грудь, втянулся живот, сверкали восторгом глаза.

*"Позабыло сердце, позабыло
Многое, что некогда любило
Только тех, кого уж больше нет,
Сохранился незабвенный след".*

Старший друг моей души, Владимир Иванович Кононов, относился к чрезвычайно тонкой прослойке граждан, сочетавших основательные научные знания, широту и глубину эрудиции с достоинствами чисто человеческими – активной добротой, отзывчивостью, уважительностью и деликатностью в отношениях. Производил изумительное впечатление гармоничного человека, без позерства и комплексов, высокого душевного благородства и тонкой интеллектуальности. Был истым интеллигентом, солью земли, квинтэссенцией рода человеческого.

Получил блестящее техническое образование в Академии имени Жуковского, куда поступил в начале пятидесятых годов по окончанию школы (факт сам по себе многозначительный – в это престижное учебное заведение принимались, прежде всего, офицеры).

Теорию вероятностей и математическую статистику преподавала знаменитая Елена Вентцель. По ее учебникам училось (и учится!) не одно поколение студентов.

На одной из лекций, которую прилежно конспектировал курсант Кононов, уважаемый преподаватель со словами: "А эту формулу мы похерим!" перечеркнула мелом на доске неудачное математическое выражение.

Слушатели дружно хихикнули. Лектор бесстрастно пояснила, что согласная буква "х" в русской азбуке именуется как "хер". По этой причине слово "похерить" означает "перечеркнуть крестнакрест".

"А в каком смысле вы поняли мои слова?" – обратилась Вентцель к аудитории.

К завершению воинской службы Владимир Иванович был известным специалистом, автором нескольких десятков публикаций, имел немало учеников, готовил к изданию книгу. Стечение обстоятельств, приведшее в артель программистов только набравшего авторитета ученого, предоставило ему прекрасную возможность быстрой экспериментальной проверки разработанных математических методов.

В подмогу ему была придана элитная боевая единица, лучший боевой слон когорты программистов Надежда Семеновна Пионтковская. Индивидуалист по натуре и воспитанию (дочь академических родителей) Надин привыкла к самостоятельным решениям, к коллективному творчеству испытывала неприязнь.

*"Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень"*

Была аккуратной, щепетильной до мелочности, что шло на пользу делу – разработки ее были безукоризненны, без сучка и задоринки, принимались заказчиками без замечаний под гипнотически твердым взглядом "стальной леди".

К мужчинам высокая кареглазая красавица относилась с опаской, по половому признаку их не воспринимала – оценивала только

профессиональные достоинства. Увлекалась рыбалкой, прилично играла в настольный теннис.

*"Она настолько нравственной была,
И к слову искушенья непреклонной,
Что ангела-хранителя могла
Освободить от службы гарнизонной".*

Дуэт работал слаженно, но чувствительность и тонкую политичность Владимира Ивановича, в итоге, подмял беспощадный ригоризм напарницы. Пару развели – с мягкой и рассудительной Леной Романенко проблем не было.

Между высокими достоинствами и извинительными слабостями чтимого коллеги располагался ряд его симпатичных качеств – в первую очередь неумное стремление ни в чем не отставать от более молодых сотрудников.

После удачной "вылазки" на водных лыжах наступил черед лыж горных. Толя Тындик, фанатичный поклонник престижного вида спорта, ранней весной затащил на карпатскую гору новопроизведенного слаломиста. Бесстрашный ассистент Грибанов в линялом трико, на лыжах с разболтанными креплениями продемонстрировал технику скоростного спуска.

Молодцеватый Владимир Иванович в элегантной экипировке встал на фирменные лыжи, неосторожно повернулся и с винтообразным переломом большой берцовой кости был переправлен в киевский окружной госпиталь.

В больничной палате, во время посещений недвижимого страдальца, выслушал от него немало интересных сообщений, аналитических докладов, проникновенных монологов. Узнал, в частности, о нюансах Брусиловского прорыва в первую мировую войну, об истории создания и составе знаменитых духов "Шанель №5", услышал редкие факты из истории Киева начала века и многое, многое другое. Любил поизяществовать в речах друг наш ситный.

Было в его характере особо умилявшее меня свойство, присущее людям большого ума и доброго сердца – умение искренне радоваться чужой удаче, по-детски страстное желание (оно буквально полыхало за линзами его окуляров!) получить похвалу за доброе дело, своевременную подсказку или помощь.

Проявление этого достоинства в полной мере ощутил в первые дни нашего знакомства, когда был им представлен Георгию Львовичу Гимельфарбу по случаю низкого темпа и слабого качества подготовки диссертационной работы. Встреча эта дала мне высокоумного научного руководителя, привела через несколько лет к получению ученой степени.

Все позитивные эпитеты, щедро мной израсходованные на Владимира Ивановича, могут быть – с усилением! – приложены к его младшему другу, которого он нежноуважительно называл "Гарик". До сих пор ярким пятном стоит перед глазами лицо организатора встречи, лучащееся восторгом от им

сотворенного чуда и немим призывом ко мне разделить обожание выдающейся личности.

Ученый мирового уровня (мнение специалистов!), пионер методов компьютерной обработки изображений, универсальный математик. Тонкий знаток и ценитель литературы, искусства, театра, русской культуры. Великий эрудит, библиофил, владелец роскошной библиотеки.

Кто помнит особенности эпохи, тот знает, насколько трудно было выстроить в Киеве капитальное сооружение. Выполненные Георгием Львовичем разработки тюменские нефтяники оценили "лимитами" и "фондами", благодаря которым институт кибернетики возвел монументальный учебный центр (правда, без мемориальной доски "первопричине").

"Гаснут во времени, тонут в пространстве" события, лица, жанровые эпизоды беспокойной молодости. Разлетелись по миру, исчезли из поля зрения многие соучастники давних событий, славных дел. Ломка жизненных устоев, беспорядочная суeta выживания нарушила налаженные связи, приятельские отношения. Сожалею глубоко, что в последние годы редко виделся с духовно близким мне человеком, что лишил себя бездумно радости общения с ним.

Одна из последних встреч состоялась теплым майским днем, неподалеку от Крещатика, за гостиницей "Москва", где галантный супруг Кононов покупал любимой Тамиле букетик фиалок. Сцена эта была красивой и романтической, как и отношения милой пары, счастливо длившиеся более двух десятков лет.

*"Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была ему наследством,
А он ее со всеми разделил".*

Чудотворец Грибанов

Демократической особенностью организационно-производственного устройства шестого участка была возможность без верховного планирования и целевых указаний формировать тематику и направление работ. Свобода выбора пробуждала пытливость, возбуждала интеллект у предприимчивых специалистов, понуждала их к поиску достойный партнеров.

К таковым в первую очередь относились предприятия военно-промышленного комплекса, договорные отношения с которыми предполагали длительность и постоянство, обеспечивались практически неограниченным финансированием. В этом Клондайке открыл и начал разрабатывать его богатейший прииск – предприятие почтовый ящик Г-4149 – мастер глубинного бурения, легендарный Олег Николаевич Грибанов.

Освоенное им учреждение занимало ведущее место в техническом оснащении и автоматизации космических исследований Советского Союза, имело в своем распоряжении оборудованные громадными палубными

антеннами корабли экспедиционного флота. Плавающие центры выходили в Атлантику для обеспечения связи с пилотируемыми космическими аппаратами, когда те оказывались вне зоны радиовидимости наземных центров (в Крыму, в Сибири, на Камчатке).

На одно из этих суден – "Космонавт Юрий Гагарин" – в конце семьдесят второго года был командирован Олег для передачи в эксплуатацию офицерскому составу электронно-вычислительного комплекса "Днепр-1".

Прекрасное знание материальной части позволило успешно выполнить задание, а внешние достоинства – молчаливость, скромность, не суетливость – вызвали особый пиетет со стороны общавшихся с ним членов экипажа.

Уважительность переросла в почитание после того, как в экстремальных ситуациях дальнего плавания киевскому специалисту пришлось принять решения и совершить поступки, оцененные наблюдателями как чудо и подвиг.

В том первом испытательном выходе на океанические просторы случилась беда – из-за длительного ожидания старта ракеты-носителя на корабле иссякли запасы спирта, предназначенные для протирки контактов электронных систем. По этой причине к прибытию космической станции на околоземную орбиту представители промышленности, младший офицерский состав были глубоко поражены вирусом безверия и апатии.

Обратились к предусмотрительному Олегу. Увы, истощились и его запасы, но хладнокровный посланец украинской земли дал слово отчаявшейся депутации что-то придумать. С младца был крепок в слове – обещаниями не разбрасывался, затеянное дело всегда доводил до успешного финиша.

У камбуза приметил загруженные на борт в африканском порту контейнеры с ананасами, подгнившими и забродившими. Кому гнило, а нам мило. Из подручных средств вдумчивый рационализатор смонтировал агрегат с испарителем, змеевиком и отстойником, в течение нескольких дней перегнал духмяную брагу в высококачественный самогон.

Корабельные системы заработали в штатном режиме, рабочая атмосфера стала феерически праздничной. Олежка – человек щедрый, отзывчивый на человеческую боль – всех приходящих к нему утешал, слабеющим силы придавал, в печальных высекал веселье.

Стала великой слава спасителя, весть о сотворенном чуде перелетела над волнами на другие корабли экспедиционного флота. Чудотворцем восхищались, его слово зазвучало пунктом корабельного устава – как не подлежащее обсуждению решение высшей инстанции.

*"Талантами от всех он отличался
И гордо голову носил;
А это уваженье вызывало –
А с уваженьем дружба возникала".*

Следующим громким поступком Олега было полное подавление, подчинение и публичное унижение представителя особого отдела. Молодой и очень паскудный старший лейтенант ("старлей"), как вампир, пил кровь у членов экипажа. Следил за идеологической зрелостью подназорных, контролировал их речи и поступки, соблюдение норм нравственности. Тирана внутренне проклинали, презирали и боялись все, но только не Олег Николаевич.

По завершению обслуживания космического полета корабль зашел в Монтевидео пополнить запасы продовольствия и горючего. Во время выгула на поводке особиста по знойной уругвайской столице томимый жаждой Олег оторвался от основной группы и направился к замеченному им пивному бару.

На пути его стал поводырь и стальным голосом объявил, что посещение зланных мест запрещено инструкцией. Лицемер, кстати, во время спиртового кризиса тайно посещал Олега, искал его дружбы. Дружба дружбой, а спецслужба спецслужбой – видя непокорство штатского анархиста пообещал ему безусловный служака отправить наверх рапорт о проступке.

*"Слаб человек, а во хмелю карьеры
Себя любив становится порой,
И сердце покрывается корой".*

Миролюбивый Олег великое неистовство изъясил, произнес знаменитую филиппику, в котором перлы московского жаргона оттенил изящно киевским фрикативным "г". Фрагменты ее дошли до наших дней, превратились в афоризмы. Первым делом любимец экипажа отметил необходимость уважать опыт и возраст.

— Не бурей на старших, сынок, и не мумукай! Учти, когда твой ванька-встанька был с горошину, я уже встречался с женщинами по-хорошему.

Расписав детально местоположение неразумного выдумщика в подлунном мире, завершающим аккордом растер его в космическую пыль.

— Ты, говорят, в академию собираешься поступать, а я "по жизни" уже пару их окончил, читать и грамотно писать умею. Когда вернемся в Москву, такую "телегу" на тебя накачу, что мало не покажется – забудешь навсегда и про академию, и про заграникомандировки.

В тот день неустрашимый Грибанов расслабился основательно и до последнего песа. И пока он наслаждался холодным пенным напитком, его покой и безопасность у дверей питейного заведения охраняло недремлющее "государево око".

*"А ведь был детина ряжий,
Рослый человек?"*

Москва высоко оценила ответственность, выверенность поступков, исполнительскую дисциплину Олега Николаевича – качества очень ценимые в оборонном ведомстве, где нарушение планов работ подчас смерти подобно. По завершению атлантической одиссеи пуско-наладочному управлению, в

лице его авангардного представителя, был предложен долгосрочный пакт участия в ряде разделов космической тематики.

Овеянный солеными ветрами победы флибустьер Грибанов твердо стал на московскую землю. В закрытом ведомстве занял место неформального управителя денежных потоков в сторону Киева и обратного перемещения разработок в столицу, ко взаимной пользе и удовольствию сторон.

Привлек к серьезному делу целеустремленного, талантливого Женю Серединина, вместе укомплектовали мощную команду специалистов по стыковкам (комплексированию) электронных узлов.

Однажды, в канун сдачи межведомственной комиссии части "блока имитации борта" (аббревиатура – БИМБО), выполненного киевлянами в рамках темы "Марс-79", жестокий грипп свалил Евгения.

Исцелителем выступил чудодей Грибанов. Как давно свободный от брачных уз, редко жил в гостиницах, обустроивался у очередной поклонницы. Женщинам нравился синеглазый молчун, его качества настоящего мужчины (в том числе физического свойства), открытость души и кошелька увлекали их.

Был "мудрый, яко змий" Олег Николаевич, "многих женщин любил, но ни одна им не владела" – дело было превыше всего. Перевез друга Серединина на очередной подмосковный бивуак, весь вечер со своей "мучачей" выглаживали раскаленным утюгом ступни бедолаги.

Поставленный к утру на ноги, классный специалист Серединин с блеском провел испытания.

Два друга – метель да вьюга – были в числе отечественных зачинателей ныне обыденного дела – компьютерных сетей. За безвозмездно полученные вычислительные услуги городские власти выделили первопроходцам запущенный подвал, который энтузиасты осушили от канализационных вод, отремонтировали, насытили техникой.

"Sapienti sat! – Специалист поймет!" В сентябре 1969 года в одной из лабораторий Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе два стационарных компьютера, соединенных друг с другом пятиметровым кабелем, впервые в мире успешно обменялись данными.

Через двадцать с небольшим лет появилась глобальная компьютерная сеть интернет с 600 миллионами пользователей.

В начале восьмидесятых годов Серединин, Грибанов сотоварищи по выделенной телефонной линии передали от своего киевского компьютера на компьютер в подмосковном городе Химки (конструкторское бюро "Факел") разработанный специалистами участка пакет программ обработки телеметрической информации, поступающей с бортов испытываемых крылатых ракет.

"Старые снятся минуты,

Старые снятся года?

Видно уж так навсегда

Думы тобою замкнуты".

Post scriptum. В конце девяностых годов увидел ударивший по сердцу телевизионный сюжет – догнивающие на корабельном кладбище, неподалеку от бывшего порта приписки Одессы, корабли "Космонавт Юрий Гагарин", "Космонавт Владимир Комаров", "Академик Сергей Королев".

Прощай, молодость!

Конец пуско-наладочному управлению пришелся в аккурат на начало перестройки. В суете реакции на актуальный партийный призыв отраслевое чиновничество затеяло "перестановку мебели" – нашу фирму поначалу задвинули в неприметную организацию, затем перевели в новое ведомство. Все делалось в точном повторе бестолковости, бессмысленности, безответственности действий пастырей "великого перелома".

*"Все, что делает дурак,
Все он делает не так:
Начинает не с начала,
А кончает как попало."*

В межведомственных разборках были уничтожены результаты полутора десятка лет работы, раздроблена компактная и энергичная организация – фактически "служба скорой помощи" стабильно увеличивающемуся корпусу пользователей вычислительной техникой.

Ломать – не строить. Задуматься, вникнуть в суть проблемы, оценить истинную значимость попавшего под абстрактные манипуляции предприятия твердолобые клерки не удосужились.

Все мы упертые, пока к стене не припертые. Понадобилось несколько месяцев сбоев и сумбура, чтобы стала очевидной пагуба совершенной ломки отлаженного механизма. Попытка дать задний ход ситуации не поправила – лучшие составляющие четко действовавшей машины разлетелись.

*"Я знал восторгов сладостный обман,
Но от него я вовремя очнулся?"*

Понадобилось несколько лет наблюдений за судорогами "обновляемой" страны, чтобы уразуметь – нет задекларированного псевдореформаторами движения вперед и вверх, есть неудержимое падение в пропасть.

Стало понятно, что государство, как институция, разрушается, утратило контроль за быстро ухудшающейся ситуацией, сняло с себя ответственность перед согражданами, что потери материальной базы страны, ее производственного потенциала невосполнимы.

Дошло до затуманенного обещаниями сознания, что привыкшие к манифестам и директивам партийные проповедники – при всей благостности намерений – не имеют четкого плана действий, бродят в потемках, действуют наобум; не побеспокоились о контроле промежуточных результатов, о возможности своевременных корректирующих действий, об отказе от ошибочных решений.

*"Былых иллюзий я не узнаю –
Они, как змеи, сняли чешую."*

Остаток иллюзий уничтожила Беловежская сходка. Тщательно спланированная, кровавыми мозолями многих поколений выстроенная, годами отшлифованная система кооперации бывших советских республик расслоилась. Лишенный почвы внешних связей, обвалился киевский гигант компьютеростроения, надолго угасла набравшая было силы индустрия разработок программного обеспечения.

*"Печально думать, что напрасно
Была нам молодость дана?"*

В перечне понесенных утрат особо чувствительна, особо угнетает потеря значительных научно-производственных наработок, накопленных нашим братством специалистов. Саднит душу от ощущения итоговой бессмысленности долгого и интересного, радостного и напряженного пути – прерванного и испакощенного на взлете. Жалость запоздалая корит за собственную растерянность, ею вызванные безразличие и апатию, неспособность возобновить и продолжить дело всей жизни в условиях бандитского капитализма.

*"Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней."*

Презираю неумных, жалких и пустозвонных затейщиков перестройки, растоптавших и предавших свой народ. Неистребимо отвращение к тем из них, кто разбогател на людском горе, допустил к разграблению общенационального богатства продавших душу дьяволу личностей.

"До дней последних донца" храню уважение к моим современникам, спутникам юности и молодости, жившим "сквозь время" – независимо от давления подгнившей государственной системы, от всех ее негативных качеств, – работавших, создававших, оставивших потомкам к началу перестроечной разрухи достойное материальное и духовное наследство.

Прощайте, сладкие годы! Прощай, давно ушедшая, полузабытая молодость!

*"Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай."*

В тексте использованы цитаты, выдержки из Н. Некрасова, А.Ахматовой, В.Даля, А.Пушкина, И.Бабеля, И.Ильф и Е.Петрова, А.Блока, Г.Лонгфелло, М.Лермонтова, С.Плещеева, К.Бальмонта, Д.Байрона, М.Соколова, "Песни о нибелунгах", Г.Аполлинера, В.Шекспира, "Слово о полку Игореве", И.Анненского, М.Волошина, В.Брюсова, А.Вознесенского, В.Татищева, А.Коваленкова, В.Маяковского, реминисценции из Д.Стейнбека.

Новоселки – Киев,
июнь – декабрь 2004 год

"Праздник жизни – молодости годы"

А. Головцов